

О.А. Романова
Научный руководитель:
д. филол. н., профессор
Л.П. Быков

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА А. ИВАНЧЕНКО «МОНОГРАММА»

Эксперименты с формой произведения для литературы XX века не новость.

Появившаяся в свет в 1988 году «Монограмма» А.Иванченко получила широкий резонанс в критике отнюдь не из-за специфики своей композиции. Ее прочтение побуждало рассуждать об оправданности включения экзотического и, на первый взгляд, дисгармоничного, учитывая его объемы, материала в текст романа, написанного рукой коренного уральца.

Известно, что композиция литературного произведения обладает огромной энергией эстетического воздействия, она является одним из основных средств смыслового акцентирования текста. Постепенная дешифровка кодов, заложенных автором в структуре композиции романа «Монограмма», шаг за шагом приведет нас к постижению авторского замысла и, возможно, ответит на вопрос о целесообразности подобного «разрывания» основного текста художественного произведения «выжимками» из буддийских текстов.

Целостный анализ «Монограммы» обнаружил факты «включения» элементов бытийной линии в бытовое содержание произведения, таким образом, обнажив точки соприкосновения предположительно параллельных пластов романа на всех уровнях художественного текста.

При рассмотрении архитектоники романа «Монограмма» очевидно выделение, помимо ранее отмеченных бытового и бытийного пластов, третьего структурно элемента - «Из записей Лиды». Его модификацией считаем фрагментарные появления в тексте романа частей с названием «Лида комментирует». Наш интерес к этим фрагментам обусловлен специфической, скажем даже яркой, актуализацией их в тексте. Они выделяются в романе 1) обозначенным «заглавием», 2) шрифтовым изменением (курсив), 3) отделением от других частей романа пробелами. Так, помимо голоса автора, в романе художественную значимость приобретает голос его героини, причем настойчиво выделяемый самим писателем. План «Из записей Лиды» выступает в романе в роли организующего, цементирующего художественную ткань начала. Расположенные до или после «медитаций Лиды» записи представляют собой преломление, воплощение объемной

буддийской философии в сознании одного человека. Однако записи Лиды все-таки не прямой отклик на буддийское или «реальное» содержание романа, идейный синтез этих элементов опять-таки осуществляется в сознании читателя.

Религиозное содержание романа явлено не только сугубо буддийскими текстами (сутры, медитации), но и воплощением содержащихся в них идей в жизни Лиды (линии обороны в библиотеке, к примеру).

Частям «Лиды комментирует» уделим отдельное внимание. Выше говорилось, что их можно считать некой модификацией записей Лиды, однако отметим, что они написаны отнюдь не лидиной рукой, а, наоборот, информация в них дается от третьего лица: «Лиды трактует все эти формы существования в Сансаре прежде всего как различные состояния человеческой психики, разные типы характеров и темпераментов людей, их разнонаправленные воли, разные уровни их интеллектов» [1:190-191].

Таким образом, можно представить, что элементы «Лиды комментирует» являются взглядом повествователя со стороны на свою героиню.

«Медитации Лиды» хоть и имеют субъективное наполнение в своем названии, однако пишутся рукой автора и не содержат упоминаний о Лиде даже в третьем лице. Они выступают как очередной стыковочный, точнее синтезирующий элемент повествования. Сам текст медитации не шепетильно религиозный, он являет собой уже пропущенный через восприятие писателя источник.

Совокупность элементов «Из записей Лиды» и «Лиды комментирует» обозначим как срединный пласт в трехчастной структуре композиции романа «Монограмма». Он воплощает замысел произведения и отражает в себе другие два плана романа (в большей степени бытийный), поэтому есть все основания выделить его, как наиболее важный. Естественно, его нельзя считать прямым комментарием, отражением происходящего и составляющего другие два пласта романа. Основная его цель – донести до читателя внутренний мир и мысли Лиды, преломление через ее сознание всего, что есть в романе.

Помимо этого отметим, что стыковка частей романа осуществляется при помощи *монтажных фраз*: номера фотографий из альбома (№1, № 104, № 1-4 и т.д.), «Из записей Лиды», «Медитации Лиды», «Лиды комментирует». Каждая из этих фраз является сигналом, знаком нового композиционного элемента, таким образом, структурирует не только саму ткань романа, но и читательское восприятие. Кроме того, такое обозначенное членение полотна текста придает ему ритмичность, динамику. Каждое последующее «звено» «Монограммы» призвано будить интерес и воображение читателя, обогащать сведениями, приоткрывая занавес над тайной романа.

Начиная анализ сюжетики, сразу оговоримся, что так называемый бытовой пласт романа включает в себе основную сюжетную нагрузку. Буддийский же план романа далек от сюжетного воплощения. Безусловно, не стоит отрицать наличие в тексте религиозного содержания особых персонажей и происходящих вокруг них и благодаря ним событий, так как и эти фрагментарные проявления несут на себе структурно-смысловую нагрузку.

Совмещение бытийного и бытового пластов происходит ближе к финалу романа, благодаря читательскому восприятию в первую очередь, но и на уровне текстового, словесного воплощения. В единую ткань повествования вплетаются судьбы героев романа Лиды и Ли Ду, текста вставного элемента Сутры Шестого патриарха. Кроме того, «жизнь» Лиды вплотную стыкуется с буддийским повествованием через фигуру китайца Юньмэня. Автор выстраивает повествование бытовой линии романа, предполагая возможность включения элементов бытийной линии. Сюжетные «привязки» при этом выглядят условными, предполагают их восприятие априори. Рассмотрим процесс включения в повествование девяти элементов, обозначаемых как «кринки молока». В тексте «Монограммы» переход к новому структурно-смысловому элементу отсутствует. Новый элемент даже графически почти не отделен от рассказа о Лиде и Насте. И мотивировка отклонения повествовательной линии в сторону «кринок молока» достаточно условна, обозначается фразой: «Раз в неделю Лида ходит за молоком на самую окраину У., в «дом Терехова» [1:230]. Но подробное описание судьбы этого дома можно объяснить как авторскую уловку для отвлечения внимания читателя от событий Лидиной жизни (волнующее и таинственное описание странной Лидиной болезни и проявившейся ее духовной связи с Настей (вспомним, что Настя ее приемная дочь)) к акцентированию очередного блока «выжимоку» из буддийских текстов. Приходим к выводу, что повествование о «доме Терехова» выполняет функцию переходного, вставного элемента на уровне сюжетного повествования к другому вспомогательному элементу – персонажу Юньмэню и его корове, которая и дает молоко для Насти. Достаточно условная и несколько натянутая сюжетная стыковка, причем с налетом мистицизма, но все-таки проявленная в тексте. Юньмэнь доносит до сознания Лиды необходимую «йогину» информацию.

Сами «кринки молока» в тексте романа постепенно обретают двусмысленность: с одной стороны - это сюжетно-стыковочный элемент (молоко для Насти), а с другой – наполнение чаши разума Лиды, обогащение ее внутреннего мира, добавление новых знаний, внесение истины извне («молоко» для Лиды). Логично задаться вопросом о причинах этого, об оправданности этих элементов. В романе говорится: «Ибо все, что ни

приобретаешь вне себя, оказывается недостаточным. Значит, искомое – внутри нас» [1:369]. Симптоматично, что девятая кринка молока оказывается наполненной пустотой.

Вторым, функционально схожим элементом является сюжетное «включение» повествовательного элемента: «Южной Школы учение о Внезапном Просветлении. Верховной Махаяны Праджняпарамита: Сутра Шестого Патриарха Хозь-нэна» [1:306]. Она «входит» в роман как «небольшая, с блюдце, картонная коробка, обшитая желтой материей, примерно цвета шафрана» [1:306]. Прозаично: сутра, осмыслив которую в медитации, Лида становится Шестым патриархом, является в романе простым, завернутым в фольгу диафильмом, который она когда-то заказывала из Москвы.

Отдельно скажем и о том, что, несмотря на начальное выявление, выделение автором этих элементов, четкого завершения они не получают. Вплетясь в повествование романа, они стали отдельными ниточками его паутины. «Кринки молока» исчезают из повествования незаметно, не акцентируя свое завершение, оставляя за собой пустоту последней, в начале оговоренной девятой кринки.

Завершением сутры Шестого патриарха оканчивается сам роман «Монограмма», оставляя за собой пустоту неисписанного листа.

Однако при кажущемся развитии действия, перед нами вошедшая в свое русло, отстоявшаяся жизнь. Статика повествования обеих линий задается в начале романа уже проработанным автором способом – «большой семейный альбом в проплешинах плюша» [1:7] организует действие «нормального» пласта романа. Кроме того, структура бытового плана также двучастна: линия «близких-далеких» и линия «далеких-близких». Нити этих повествований не параллельны, а наоборот, переплетены, структурные элементы перемежаются на протяжении всего романа. Лида – точка соприкосновения этих линий, но она обособлена, отделена тонкой стеклянной перегородкой от обеих частей, от обеих групп персонажей. Исключением здесь является Настя – приемная девочка, занявшая в судьбе Лиды место потерянного ей ребенка. Даже мать девочки не знала наверняка ее отца, но Лиде это неважно, в романе подчеркивается их духовное родство, порой окруженное дымкой таинственности. Близость Насти и Лиды настолько акцентируется, что рассказ об удочерении, данный автором почти в конце романа шокирует. В предложенном списке фотографий Лидина жизнь схематично «вытекает» из жизни ее матери, но идейно нити повествований не сплетаются в одну неделимую, что следовало бы ожидать, а наоборот, разграничиваются, образуют две ветви, одна из которой берет свое начало в другой, но однако имеет собственное направление течения. Авторское выстраивание романа моделирует читательское восприятие,

заставляя из двух практически параллельных линий синтезировать общее представление о событийном ряде «Монограммы».

Повествование в романе абсолютно бесконфликтно, что во многом противоречит тематике произведения. Читателю более знакома и близка противоположная идеологическая схема романа, по которой развитие личности происходит в постоянных душевных конфликтах, борьбе с другими, с самой собой, с обстоятельствами.

Бесконфликтность романа «Монограмма» может быть объяснена, учитывая его тематическое расширение наличием буддийских текстов и обусловленных ими называемых поведенческих установок. Роман акцентирует, на наш взгляд, обретение гармонии через созерцание и обдумывание мира и себя в мире. «Монограмма» при всем обилии персонажей фиксирует только один тип человеческого сознания. Особым построением композиции выделяется, помимо голоса автора, голос главной его героини – Лиды Черновол. Он четко проявляется в главах «Из записей Лиды», донося до читателя частное, именно Лидино понимание жизни, буддизма, себя. Однако, эти записи Лиды не полемичны остальному повествованию, а, наоборот, дополняют его. В «Монограмме» не запечатлены другие типы сознания, способные быть сопоставленными с активно предлагаемой самим писателем «точки зрения» главной героини.

Интерес писателя к человеку, личности в литературе считается изначальным. Внутрিলитературный «статус» человека на протяжении многих веков развития словесного творчества не раз менялся. Постепенно литературный процесс подводит писателя к необходимости изображения рядового человека, с близкими многим переживаниями и моментами счастья. Внимание писателя к становлению личности, особенностям его внутреннего мира, психологии, по праву можно назвать универсумом литературы.

Александр Иванченко посвящает «Монограмму» аналогичной теме. В центре романа – духовное взросление, психологическое становление скромной работницы библиотеки города У. – Лиды Черновол. Мгновенно располагая к «Монограмме» читателя, автор мастерски и будто играючи создает колорит жизни героини и эффектным зачином романа преподносит читателю заведомо типичный образ одинокой девушки. Однако, зададимся вопросом, насколько типичен ее образ? Первыми строками «Монограммы» автор вплетает свою героиню не только в самобытную ткань романа, но и в странного ракурса литературный контекст. Великие русские писатели, своим творчеством заслужившие культурное бессмертие, а смертью своей, «обросшей» легендами, побудившие множество загадок. «Молодая» смерть Пушкина, «званная» смерть Цветаевой, самой выбравшей день и час, таинственная смерть Толстого, тихо умершего на далекой станции Астапово – все это разные варианты смерти, разное ее обличье. Но, несмотря на

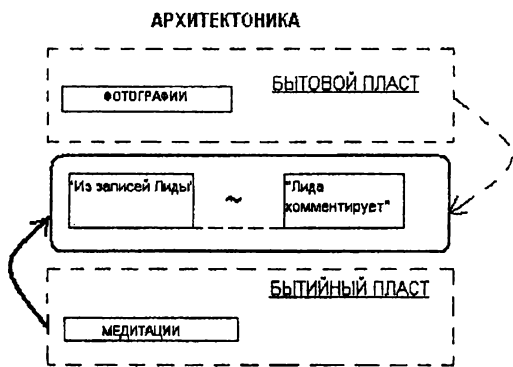
прекращение физического бытия, каждый из названных людей преодолел условную грань между жизнью и смертью, увековечив свое имя в истории мировой литературы.

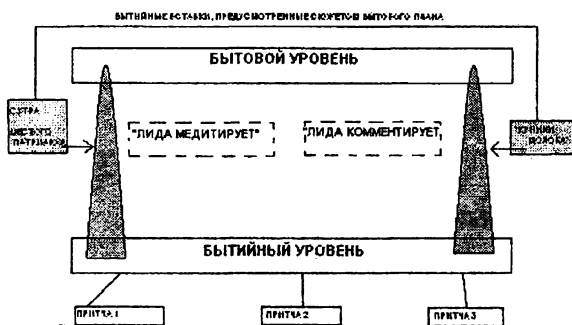
Роман «Монограмма» повествует читателям о главном жизненном пути – пути к вере, настоящей, незабываемой, искренней. Этой дорогой к жизненной стойкости для Лиды Черновол становится буддизм. Некая пунктирная «вписанность» героини в художественное произведение, мысль о которой появляется с подсознательным узнаванием, сопоставлением событий романа с более ранним читательским опытом, сигнализирует читателю о ценности в романе не перипетий сюжета, а событий, происходящих в духовной сфере героини романа. Описание лидиной жизни постепенно «подменяется» развернутым рассказом о судьбе ее родственников, а в основном ее матери – Марины Васильевны. Жизнь героини «проступает» в описании судьбы ее матери, проявляясь в отдельных отрывках. Столь детально–конкретное описание верениц судеб родственно близких ей людей, свидетельствует, возможно, о желании автора выстроить цепочку родовых связей, «корни», сделавшие возможным появление Лиды на свет. Может быть, не зря все «вещество жизни» [1:8] беспощадно тратилось на Марину Васильевну, оставив Лиде лишь малые крохи? Не зря помогало оно Марине Васильевне выжить в жесточайших условиях на земле и под землей, чтоб на свет появилась Лида, заслужившая сан Шестого патриарха. Лида впитала память о жизни своей матери, сроднилась с ней: «Память Лиды и Марины Васильевны смешаны в альбоме, как в жизни, и Лиде кажется, что прошлое ее матери – это ее, Лиды, прошлое, настолько оно плотней, полней и как бы поглощает собою ее жизнь». [1:8] Возможно, что «вещество жизни», предназначавшееся Лиде, было «поглощено» ее матерью, предполагая его не востребованность в лидиной жизни. Ведь «что-то жизнь ей, несомненно, оставила, <...> зачерпнула из своего потайного кармана». [1:8] Только это «что-то» *совершенно иного характера*. Настоящая жизнь героини – ее медитации, ее отдача религии, буддизму, усердные переводы священных текстов, стремление постичь истину. Ее «светской» жизни, существованию внутри общества, существованию, лишенному самости (эпизоды с днем рождения в библиотеке, когда она испачкала похваленное платье, обрезала волосы; работает Лида в библиотеке – месте публичном, где больше отдают другим, чем оставляют себе), стремления к выделенности, внешней оригинальности (Лида всегда очень скромно одета), не сдерживаемому сильными привязанностями (подруг нет, любимого человека нет, дочь оказывается не родным ребенком) с лихвой достаточно той капли вещества, что ей уготована.

Буддийская философия учит человека (Йогина) спокойно и в какой-то степени радостно относиться к смерти. Любопытно, что смерть в теле

«жизненного» повествования является началом нового этапа развития романа, она не дает устоявшимся обстоятельствам руководить судьбой человека. Смерть одного из персонажей романа разветвляет линию возможного сюжета, открывая новые пути воплощению авторского замысла. Внимательный читатель поразится обилию смертей в повествующей о жизни Марины Васильевны части «Монограммы». Смерть ее родителей на новом «поселении» после раскулачивания, смерть брата, потом смерть ягненка, за которым она, уснув, не усмотрела, Гога, с которым сдружилась, работая в ресторане. Любопытно, что жизни Лиды и ее матери пересекаются и в этом ракурсе рассмотрения: в день ее рождения умирает отец (освобождение еще от одной привязанности), через несколько дней после рождения умирает ее дочь, а прошедшая все повествование романа Настя оказывается приемным ребенком.

Впитав тяготы жизни своей матери, приняв испытания, уготованные ей судьбой, Лида нашла в буддизме источник силы для преодоления житейского абсурда. Буддизм, как самая гуманная религия, по мысли автора произведения, дает возможность человеку преодолеть смерть, страдания и несчастья, заново воспитать себя и иначе взглянуть на мир. Для автора ответ на вопрос об оправданности включения буддийских текстов, побудивший полемику в критике, очевиден: «Четыре Благородные Истины буддизма охватывают всю проблематику человеческого существования: страдание, причина страдания, прекращение страдания, путь, ведущий к прекращению страдания» [1:617]. И если, прочтя роман «Монограмма», читатель найдет для себя близкими буддийские притчи, авторская надежда на то, чтобы еще одна жизнь открылась, обретет крылья.

СЮЖЕТ

Литература

1. Иванченко А. Голос безмолвия: роман, повесть, памфлет. – Екатеринбург, 2000